

О СПЕЦИФИКЕ РОССИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИЙНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

В.А. Логачев, д.э.н., профессор
Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачёва
650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28
г. Кемерово

1. Глобализационная специфика. СССР был самодостаточной интеллектуальной державой. Россия сознательно строится как придаток к глобальной экономике. Функции России в ней: а) потребление (а не производство) мирового интеллектуального продукта – в обмен на сырьевые поставки на мировой рынок, б) поставка интеллектуальной рабочей силы на мировой рынок производства интеллектуальных продуктов; под эту функцию реформируется российская система образования. Основная идея Болонской системы – мобильность студентов и преподавателей. Но кто из западных граждан в здравом уме поедет работать или учиться в российский регион за пределами Москвы-СПб)? Кто из российских граждан способен оплатить поездку для учебы и проживание полгода на Западе? Очевидно, установка этой системы – на обратное движение кадров, получивших качественное образование в России, на Запад. Непонятно только, почему этот вектор активно стимулируется госорганами, которые по определению должны защищать внутренний рынок труда, а не либерализовать в ущерб интересам России. Недавно, обосновывая необходимость выделения государственных средств на строительство нового учебного корпуса, начальница балетной школы в Москве выдвинула два безотказных аргумента: 1) мы бережем традиции старой русской и советской школы подготовки танцоров, 2) наши танцоры востребованы во всем мире. Задача стран Запада – создать такую систему экономики знаний в России, которая бы обслуживала западную экономику интеллектуальными, творческими ресурсами, а внутри России оплачивала дорогостоящие услуги временно приглашенных западных преподавателей, ученых и специалистов. Для экономического обеспечения такой системы отношений необходим ряд специфических характеристик формируемой в России модели экономики знаний. Рассмотрим их.

2. Перманентное состояние реформирования систем образования и научных исследований в течение 30 лет: первое постановление ЦК КПСС и Совмина СССР на эту тему вышло в апреле 1984 г., с этого момента процесс перемен еще ни разу не останавливался. Это делается для того, чтобы разрушить стабильные (хотя бы на 5 лет) условия труда интеллектуальных работников. Каждый год приспособляясь к новым требованиям и условиям тру-

да, работник автоматически начинает игнорировать любой порядок, потому что заранее известно, что завтра требования снова поменяются. Наиболее вопиющий свежий пример – история с переходом вузов на требования ФГОСЗ+, когда задним числом придется подгонять итоги уже прошедших образовательных мероприятий под новые требования госстандарта, уточненного с учетом нового Закона РФ «Об образовании». Ни одна общественная или техническая система не может нормально функционировать, находясь в процессе преобразования, однако российская система образования продолжает работать, причем без минимально необходимого финансирования, уже четверть века. Тем самым фиксируем еще одну характеристику российской экономики знаний:

3. Паразитизм. В чем секрет живучести перманентно дестабилизируемой экономики знаний в России? В сохранении двух базовых элементов советской экономики знаний. Во-первых, заложенный в научно-образовательную систему в советский период капитал был столь значителен, что до сих пор не может быть разрушен и разворован до конца. Во-вторых, интеллектуальный «капитал» старой генерации научных и педагогических работников и особый менталитет, сформировавшийся в тот же период, – нацеленность не на максимизацию личной полезности, а на выполнение своей миссии. Если бы реформаторы были движимы рациональными мотивами, то на изменения в поднадзорном объекте следовало наложить ограничения: не чаще одного системного изменения в 5-8 лет, чтобы очередное новшество проработало в стабильной среде некоторое, хотя бы минимальное, время. Поскольку таких ограничений нет, смысл перманентных реформ видится только в одном: «зарабатывание» денег на сочинении всё новых реформаторских проектов и освоение связанных с этим средств, сэкономленных на зарплатах ППС и обновлении материальных ресурсов науки и образования. Но, как видим, это «зарабатывание» целиком держится на нещадной эксплуатации пролетариев умственного труда и капитала, созданного в советскую эпоху (между прочим, именно этим доказывается более высокая сравнительная эффективность советской организационной и экономической системы производства знаний, не в пример дегенеративному критерию эффективности, исповедуемому «эффективными менеджерами»).

4. Социально-разделенный характер. Основной массе населения предусмотрен минимальный уровень образованности, а для «элитных» слоев создается слой элитных вузов. Для этого внедрены: а) система дифференцированного финансирования вузов, с тем чтобы обескровить приток средств в периферийные вузы и перенаправить его в и без того хорошо оборудованные и высокозарплатные центральные вузы; б) система отбраковки т. н. неэффективных вузов; в) система «бакалавр-магистр» вместо подготовки квалифицированного специалиста; бакалавр непонятно каких наук с уровнем знаний техникума заведомо неконкурентоспособен на рынке высокооплачиваемых профессий и должностей, не говоря уже о «мобильности» на Запад.

5. **Целевая установка на понижение** общего уровня культурности и образованности массы. Для достижения этого создана «конкуренция» вузов и разных форм *собственности* в образовании: резкое увеличение числа новых частных вузов и филиалов в 1990-е годы привело к моментальному росту общего количества студентов с 3 до 6 млн. человек благодаря приему всех по критерию наличия минимальной денежной суммы, а не по наличию минимальных знаний. Для реализации этой же установки используются *организационные* новации, например, внедрена система ЕГЭ-контроля знаний, против которого выступала вся школьно-вузовская общественность и сами обучающиеся с родителями, «за» - только несколько чиновников в стране, явно выполняющих соцзаказ западных ТНК. И однако это ничтожное во всех смыслах меньшинство успешно побеждает остальное население страны. Наиболее успешным средством достижения этой целевой установки является, далее:

6. Специфический критерий эффективности госзатрат на науку и образование, когда под этим термином понимается только **тотальная экономия** на всем и нисколько не учитывается качество получаемого результата. Особенно наглядна бессмысленность, с точки зрения полезного результата, этого подхода в механизме госзакупок: выигрывает тендер тот, кто возьмет подряд на оказание услуг и т. д. за минимальную плату, а заведомо негодный конечный результат никого не волнует, включая непосредственного заказчика (главное – «освоить» средства). Типичной ситуацией является недополучение сектором экономики знаний даже тех незначительных средств, которые запланированы на год в государственном бюджете. При этом силовой блок постоянно получает средства сверх плана, предусмотренного очередным Законом РФ о государственном бюджете на год. За неисполнение Закона ни один министр финансов еще не понес наказания. Отсюда следующий логический шаг:

7. **Правовой нигилизм.** С самого начала перехода к новой социальной модели организации производства знаний наблюдается неисполнение законов РФ, не говоря уже о подзаконных и ведомственных нормативно-правовых актов. Кроме упомянутого Закона о госбюжете, следует назвать Закон об образовании. Никогда не выполнялись нормы этого закона о необходимом проценте национального дохода, распределяемого на нужды образования, о соответствии средней зарплаты преподавателей двукратному среднему размеру зарплаты по промышленности. Нарушаются не только отдельные положения законов, но и общеправовые принципы:

- нарушение общеправового принципа «закон обратной силы не имеет» (например, упомянутая история с ФГОСЗ+, отмена трудового стажа за годы обучения в вузе и в аспирантуре),

- нарушение общеправового принципа подчинения локальных нормативных актов подведомственных организаций иерархии «федеральный закон – подзаконные акты – ведомственные нормативные акты» (например, несоответствие внутривузовских норм рабочего времени установленным Министерством образования, нарушение нормы трудового законодательства о допус-

тимости пересмотра трудовых нормативов только по причине роста производительности труда),

- нарушение общеправового принципа «запрета ухудшения условий труда» (например, ужесточения норм рабочего времени, ежегодного увеличения годовой нормы учебной нагрузки),

- отмена ряда законных прав работников высшей школы (например, отмена трудового стажа за годы обучения в вузе и в аспирантуре; отсутствие учета специфики труда с детьми (1 курс); понижение содержания академического часа и мн. др.),

- неоплачиваемый сверхурочный труд, что по международному законодательству признается «рабством» (например, требование заниматься в свободное от основной преподавательской деятельности общественными мероприятиями, научными конференциями, написанием научных трудов, коммерциализацией интеллектуальной продукции, изучением материалов СМК, заполнением массы бюрократических форм, дополнительными образовательными услугами и пр. и пр.),

- игнорирование ряда специфических черт преподавательского труда (например, запрет научно-педагогическому работнику самостоятельно определять свое местонахождение и оптимальное место выполнения научной работы, не регламентированной расписанием).

Этот правовой нигилизм предопределен экономически – особенностями менеджмента в российской экономике знаний.

8. «Эффективный менеджмент». К крупным вузам применяется схема управления, эффективная только для масштабов цветочного ларька, к тому же полностью игнорирующая технологическую специфику предприятий экономики знаний и управления работниками интеллектуального труда.

9. Бюрократизированность всех образовательных и научно-исследовательских процедур. ППС и ученые подавляющую часть своего полезного (не только рабочего, но и «свободного» времени) вынуждены тратить на оформление безумного количества бумаг (никем не исполняемых инструкций и методичек, планов/отчетов и т. д.). Кроме того, что эти затраты времени и сил сокращают возможность их использования по прямому полезному назначению (живая работа с обучающимися, чтение научной литературы и т. д.), тупая бюрократическая возня с бумагами подавляет способность к работе тех секторов мозга, которые заняты творческой работой. Очевидно, именно на это и нацелена перманентная «реформа» науки и образования в России.

10. Господство системы «личных отношений». В чистом виде характерно для традиционных обществ, но с успехом воспроизводится и капиталистической системе. В российской науке проявляется в распределении грантовых средств по решению экспертов в пользу «своих людей», представителей родственного научного направления и др., в заключении хоздоговоров, в создании «выносных» кафедр на предприятиях народного хозяйства (по аналогии с кафедрами медвузов в больницах, только с отсутствием рационального

смысла), в распределении студентов на практику, в организации научных мероприятий и т. д.

11. Командно-административный характер – еще одна рудиментарная особенность российской «суперэффективной» модели экономики знаний. Вряд ли кто из российских ученых и преподавателей знаком с понятием «академические свободы», которое возникло на Западе еще в средние века, в ходе борьбы «интеллектуального класса» за свою автономию в феодальном, а потом в буржуазном обществе. Советская модель управления наукой и образованием предполагала добровольное следование ученых и педагогов той системе ценностей, которое устанавливало государство, в обмен на массу льгот. Современная российская модель, аннигилировав эту систему льгот, усугубила атмосферу диктата, самодурства вышестоящих, беспрекословного подчинения, унижения достоинства нижестоящих. Хотя, как может сочетаться система жестоко-автократической иерархии и свобода творческого интеллектуального труда? Да никак. Эта логическая несовместимость и фактическое сосуществование имеют сакральный смысл: поскольку российская система науки и образования приносится в жертву мировой глобализации, то надо ускорить вытеснение из нее еще остающихся добросовестных работников. Странно на фоне всего этого слышать непрерывные стенания руководителей всех уровней об отсутствии творческой инициативы у интеллектуальных рабов, вялом биении инновационного пульса у ППС. Старые преподаватели с остатками неизжитых советских привычек иногда еще высказывают претензии самодурствующим начальникам, а молодое поколение запугано вусмерть. Основой этой системы тотального психологического подавления являются жесткие финансовые ограничения на развитие науки и образования (см. п. 5 нашего списка периферийных особенностей российской экономики знаний). На этом фоне нелепым рудиментом выглядит механизм выборного продвижения начальников от образования по карьерной лестнице: псевдовыборы завкафедрой, ректора, профкома.

Вот таким, странным образом закругляется тема нашего исследования: традиционалистская система личных связей, сопряженная с системой господства и подчинения, страха и унижения, гармонично сочетается с либералистическим глобалистско-периферийным характером современной российской экономики знаний в России.